

УДК 1 (091)

DOI: 10.17223/1998863X/44/12

В.И. Коротких

ПРОБЛЕМА МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ ПСИХОЛОГИИ В «ФЕНОМЕНОЛОГИИ ДУХА» ГЕГЕЛЯ

На основе анализа пятой главы «Феноменологии духа» рассматривается вопрос о месте Гегеля в истории психологии. Демонстрация Гегелем невозможности познания индивидуальности вне учета деятельности в социальном окружении побуждает признать его подход близким поискам, которые велись в отечественной психологии прошлого века (Л.С. Выготский и его последователи).

Ключевые слова: философия Гегеля, душа, метод научной психологии, культурно-историческая психология.

Исследователи, стремящиеся проследить путь становления психологии как науки, обычно не слишком высоко оценивают гегелевские размышления на психологические темы. Так, по словам В.В. Васильева, Гегель лишь «воспроизводит традиционные психологические учения, «разбавляя» их общими формулами своей спекулятивной философии» [1. С. 129]. Казалось бы, появление подобных оценок можно объяснить уже тем, что творчество мыслителя приходится на переходный период в истории психологии. Философская психология, ставившая задачу рационального познания сущности души, к началу XIX в. исчерпала свои возможности, а экспериментальные методы изучения психических феноменов хотя и использовались в «эмпирической психологии», выделенной в самостоятельную дисциплину Х. Вольфом, но не были еще способны привести к созданию психологии как самостоятельной, независимой от метафизического обоснования научной дисциплины.

При этом заключения о месте Гегеля в истории психологической мысли делаются почти исключительно на основании его учения о Субъективном духе, представленного в «Энциклопедии философских наук» [2. С. 38–325] и в лекционных курсах, для слушателей которых она была подготовлена [3]. Между тем наиболее интересным произведением, позволяющим заново поставить вопрос о месте Гегеля в истории становления психологии, является «Феноменология духа». В более поздних работах философа его новаторские поиски в области психологии, нашедшие отражение на страницах «Феноменологии», не получили продолжения. В какой-то мере это связано с тем, что они инициировались именно специфическим контекстом «Феноменологии», поскольку в «опыте сознания» должны были выступить все типы предметности, в том числе и «душа», в какой-то мере – самим форматом «Энциклопедии», пособия для слушателей лекций. По-видимому, философ не верил, что парадоксы познания «души», которые он обнаружил в процессе описания «опыта сознания», могут стать элементом университетского преподавания. Вместе с тем именно в границах «Феноменологии» дана обстоятельная критика современного Гегелю состояния психологии и заново ставится вопрос о ее методологических основаниях, а следовательно, и оценка места мыслителя

в истории становления психологии не может основываться лишь на материале «Энциклопедии» и соответствующих лекционных курсов, она должна учитывать и оригинальное содержание «Феноменологии духа»¹.

По существу, в обращающихся к психологическому материалу критических фрагментах «Феноменологии» Гегель начинает движение к новой, «научной» психологии. Однако использование понятия научной психологии в отношении гегелевских построений нуждается в пояснении. Научная психология в современном понимании сложилась лишь к концу XIX в., когда экспериментальной психологии удалось вписаться в сформировавшуюся в атмосфере господства идеологии позитивизма систему научного знания. Но только ли экспериментальная психология заслуживает статуса науки? Не претендуя на строгое определение понятия научной психологии и ее хронологических границ, в настоящей статье я попытаюсь показать, что первая попытка установить специфику метода научной – «опытной» в широком смысле – психологии, которая была бы свободна как от метафизических предпосылок догегелевской эпохи, так и от редукционизма, сопровождающего экспериментальную психологию с момента ее становления до наших дней, была предпринята в «Феноменологии духа». Систематически воссоздаваемый в ней «опыт сознания» выступает как имманентная критика («завершающий себя скептицизм», по выражению философа) всех известных способов отношения сознания к предмету («гештальтов» сознания), конструирующих и определенные типы предметности. И «душа» как предмет «философской психологии» должна была появиться в этом ряду, став (в силу объективной исчерпанности методологических возможностей прежней психологии) едва ли не самой легкой добычей гегелевского «скептицизма».

Вряд ли жанру научной статьи соответствует предвосхищение выводов, основательность которых читателю только еще предстоит оценить. Однако в данном случае речь идет о материале, к которому исследователи редко обращались в контексте рассмотрения истории психологии, поэтому подобное предвосхищение представляется целесообразным для понимания читателем основной идеи и направленности предлагаемой статьи: переходя от описания тупиковых подходов современной ему психологии к анализу рассматриваемой в социальном контексте деятельности индивида как единственному научному методу познания «души», Гегель в действительности предвосхищает тот стиль мышления, который получит развитие в отечественной психологии прошлого века, начиная с концепции Л.С. Выготского².

Поиски Гегелем адекватного метода психологии локализованы в первом разделе V главы (а. Наблюдающий разум) и занимают в ней завершающую часть первого параграфа, а также второй и третий параграфы [7. С. 137–187]. Эти фрагменты можно условно назвать «психологическими главами» «Феноменологии духа». Их анализ требует учитывать некоторые формальные особенности рассматриваемой части текста гегелевского труда, поскольку здесь явственно выступает вовлеченность Гегеля в научные споры его времени.

¹ Тот факт, что «Феноменология» остается на периферии интересов исследователей психологии Гегеля, наглядно проявляется в обобщающих работах по этой тематике или коллективных публикациях, например [4, 5].

² На точки соприкосновения гегелевской психологии с культурно-исторической теорией иногда указывается в научной литературе, например в работе Р.Д. Винфилда [6], однако содержание «Феноменологии» при этом во внимание не принимается.

По-видимому, на момент публикации книги V глава оставалась последовательностью набросков разной степени проработанности, и Гегель попросту не успел избавиться от тех конкретных «примет времени», которые, согласно замыслу, не должны были остаться в тексте «Феноменологии». Поэтому перед читателем встает задача выявить собственно философскую позицию Гегеля относительно метода изучения психических явлений, не сводящуюся к упомянутым дискуссиям, не увязнуть в деталях оставшихся в прошлом споров, которые рискуют заслонить собой главный сюжет развития «опыта сознания».

Однако еще более сложной оказывается задача содержательного определения позиции Гегеля относительно метода психологии. Думается, к ее решению мы сможем приблизиться, если поймем, во-первых, как гегелевский подход соотносится с традицией философской психологии XVIII в., во-вторых, в чем именно состоит психологическое содержание гегелевского повествования, значительная часть которого обусловлена местом рассматриваемого фрагмента в структуре «Феноменологии» как целого, в-третьих, какие линии мысли в последующей истории психологии можно считать «параллельными» гегелевским поискам, поскольку только таким образом мы сможем увидеть результаты, к которым в действительности должен прийти психолог, если он последует методологическим установкам «Феноменологии духа».

Путь к пониманию природы разрыва «Феноменологии» с традицией указывает давно отмеченный комментаторами факт: в тексте книги очень редко встречается слово «душа» (*die Seele*), – значительно реже, чем можно было бы ожидать, учитывая очевидную тематическую преемственность гегелевского труда по отношению к гносеологии и философской психологии XVIII в. Более того, даже там, где это слово появляется, оно, как правило, не обладает терминологической определенностью, часто выступает в роли метафоры «внутреннего», «существенного», как, например, в конце III главы, где Гегель говорит о «бесконечности» как «простой сущности жизни, душе мира, общей крови» и т.д. [7. С. 89]. Однако удовлетворительного объяснения этого известного факта до сих пор предложено не было. А.Д. Власов высказал предположение, что речь может идти о «сознательной мере предосторожности» со стороны Гегеля в связи с возможными обвинениями в отрицании бессмертия индивидуальной души [8. С. 141–142]. Однако в тексте как раз этого произведения молодой философ часто проявляет полную беззаботность относительно каких бы то ни было «мер предосторожности», поэтому следует признать, что эта гипотеза не выглядит убедительной.

На мой взгляд, ключ к решению этой загадки следует искать в опыте наблюдения органического, в котором вскрываются предпосылки становления понятия души в предшествующих философии и психологии. Момент «опыта сознания», открывающий путь к понятию души философской психологии, – это органическое как *«особый вид»* [7. С. 137] предметности. По Гегелю, «душа» – это и есть органическое, взятое лишь как «внутреннее», точнее, «органическая субстанция как *внутреннее*» определяется в качестве «*простой души*» [Там же. С. 143], – может быть, это единственный фрагмент «Феноменологии», где «душа» обладает статусом термина. «Простая душа» – это высвеченная «наблюдающим разумом» индивидуальность, которая долж-

на была бы сохранять субъектность в движении к духу. Однако вследствие того, что для «наблюдающего разума» это «внутреннее», как замечает Гегель чуть выше, «должно в такой же мере обладать внешним бытием и обликом», как и внешнее, так как оно само – «предмет» и «установлено как сущее и наличествующее для наблюдения» [7. С. 143], то оказывается, что «наблюдение» принципиально не может схватить именно «внутреннюю природу» органического, в опыте «лишь воспринимающего рассудка» «природа понятия оказывается подавленной» [Там же. С. 150]. Следует заметить, что наряду с «внутренним» (душой) в качестве модусов спекулятивно-конкретного в сфере рассмотрения органического выступают также, например, цель или род. Однако во всех этих случаях «наблюдающий разум» сводит органическое, предполагающее, что «часть» должна целиком содержать в себе и «целое», к механизму. Так, движение телеологического отношения открывает, что цель органического не может находиться вне его самого, но только сам «наблюдающий разум» видеть этого пока не может. «Понятие как таковое при этом исключено» [Там же. С. 142], поэтому о цели как внешней органическому сущности Гегель замечает, что она «возникает способом темным и поверхностным, при котором мысль низведена до уровня представления» [Там же. С. 142], но эту характеристику можно было бы с полным правом повторить и в отношении «души».

Неспособность «наблюдающего разума» найти адекватный способ постижения органического как «простого единства», его «внутреннего», нашедшая отражение в отказе от понятия души, предопределяет появление у Гегеля тезиса, получившего широкую известность и нелестные оценки у многих поколений читателей философа, – тезиса об отсутствии у органического мира истории. Однако это положение имеет в «Феноменологии» тот более точный смысл, что «наблюдающий разум» не способен постигать органическое как внутренне упорядоченную целостность, разворачивающую все богатство своего содержания также и в необходимом движении внешних проявлений, более того, исчерпывающего в этом движении все структурное многообразие содержания. В качестве подобной целостности в «Феноменологии» выступает, как это уже знает (начало IV главы) «феноменолог», самосознание. В одном месте Гегель прямо говорит, что органический род, который соответствовал бы критериям спекулятивной конкретности, «был бы сознанием» [Там же. С. 157]. Но род конкретен на ступени «наблюдающего разума» только «в себе», разум обнаруживается пока лишь как «жизнь вообще», «всеобщая жизнь» [Там же. С. 159]. И поскольку род – не самосознание, в котором всеобщее и единичное соотносились бы, подобно тому как это имеет место в духе, через систему формообразований, «упорядочивающую себя в целое» [Там же. С. 159], Гегель формулирует парадоксальное учение о земле как «всеобщем индивиде», со стороны которого род «претерпевает насилие» [Там же. С. 158–160], в связи с чем его жизнь и не может составить «истории». Поэтому и «опыт сознания», не находя более спекулятивного интереса в «наблюдении органического», оказывается вынужденным перейти к «наблюдению самосознания».

Как видим, именно в процессе «наблюдения органического» Гегель осуществляет своего рода «феноменологическую деконструкцию» «души», делая решающий шаг от прежних метафизических учений о душе в направле-

нии научной психологии. Не узнавая себя в органическом, «наблюдающий разум» пытается вынести его «внутреннее» вовне, уподобляя при этом «внутреннее» и «внешнее» устойчивым определениям своего прежнего опыта наблюдения неорганической природы, который успешно описывался с помощью «законов». Подобное «внутреннее» органической субстанции и оказывается прообразом «души». Итак, «душа» – это «внутреннее» органического как насильственно удерживаемый «наблюдающим разумом» момент спекулятивной структуры «бесконечности», который «для удобства наблюдения» наделяется изолированным бытием и устойчивой определенностью. «Опыт сознания» конституирует «душу», но тут же открывает и ее недоступность для «наблюдающего разума». Но тем самым вскрывается и отсутствие реальности у этого центрального понятия философской психологии, устанавливается его «недействительность». Если бы вывод Гегеля относительно возможностей современной ему психологии был сформулирован уже в тексте первого параграфа, он должен был звучать определенно критически. Доказательством этому служит разоблачение любых ухищрений «наблюдающего разума» в попытках непосредственно «наблюдать» «внутреннее». Та же мысль воспроизводится и в соответствующем месте «Философии природы»: в действительности, замечает здесь Гегель, «душа проста, она тоньше точки» [9. С. 462]. Более того, рассудок впадает в противоречие уже в том, что стремится наделить субстанциальным существованием и устойчивой определенностью то, что проявляется, как увидим ниже, лишь в деятельности индивидуальности: «Долго старались найти душу; но сами эти поиски противоречивы» [Там же. С. 462].

Критическое суждение о современных ему психологических учениях Гегель произносит в двух следующих параграфах: в) Наблюдение самосознания в его чистоте и в его отношении к внешней действительности; логические и психологические законы и с) Наблюдение самосознания в его отношении к своей непосредственной действительности; физиогномика и френология. Первый из них открывается очерком критики формальной логики, основные идеи которого будут подробно развиты в «Учении о сущности». В качестве «реальности» логических законов выступает «действующее сознание», предмет «наблюдающей психологии». Но наблюдение условий его становления не объясняет индивидуальность, «влияние среды» порождает слишком неопределенные и двойственные объяснения. Поэтому оказывается необходимым возвратиться к наблюдению индивидуальности, и «опыт сознания» вступает в область «наблюдения самосознания в его отношении к своей непосредственной действительности». Психологическое содержание этого параграфа состоит в том, что указанный способ наблюдения самосознания заходит в тупик «психофизиологической проблемы» (представляемой Гегелем с комическими нотками), и тогда движение «опыта сознания» прорывается к рассмотрению деятельности индивида в социальном окружении.

Смысл гегелевской критики не здесь сводится к разоблачению попыток «наблюдающего разума» постичь «внутреннее» как особое обладающее собственной определенностью сущее. Действительным результатом гегелевского рассмотрения становится осознание неизбежности решительного отказа от подобного пути и поиска принципиально иного взгляда на новый вид предметности, к которому приходит сознание в попытке усмотреть внутреннюю

сущность органического, его «простое единство». Гегель произносит свой приговор прежним попыткам постичь «душу», замечая, что в конце концов «наблюдающий разум», не способный постичь «внутреннее» органического, превращаемое по аналогии с вещами в устойчивое существование, «вынужден покинуть самого себя и перевернуться; ибо лишь совершенно дурное содержит в себе непосредственную необходимость превратиться в противоположное» [7. С. 183].

В чем же, однако, должен заключаться тот метод постижения «внутреннего», который будет означать выхождение движения «опыта сознания» за границы «Наблюдающего разума»? Заметим прежде, что его обоснование не может быть дано здесь, в рамках статьи, ограничивающейся психологической проблематикой, в полном объеме, поскольку оно связано с движением сюжета «Феноменологии» как целого, но результат Гегель представляет вполне ясно. Уже в контексте полемики с точкой зрения физиогномики Гегель замечает, что *«истинное бытие человека... есть его действие»*; в последнем индивидуальность *действительна* [Там же. С. 172]. Подобно тому, как содержание субъекта высказывания раскрывается в последовательности предикатов (фундаментальная гегелевская тема, нашедшая отражение и в «Феноменологии», и в «Логике»), так и содержание индивидуальности раскрывается в деятельности, а не в неких якобы присущих ей неизменных свойствах. И самое главное, что эта деятельность может осуществляться лишь в социальном окружении, последнее – это и есть та самая всеобщая, «универсальная» индивидуальность, которой недоставало органическому, чтобы выявить спекулятивное содержание вовне, и которое вследствие этого оказалось во власти насилия со стороны «земли». Поэтому если на ступени «Наблюдающего разума» сознание удовлетворялось рассмотрением своего отношения к вещи, которой оно безуспешно пыталось уподобить и «внутреннее» органического, то теперь, осознав свою несводимость к какому-либо устойчивому существованию, оно проходит стадию «удвоения самосознания», повторяя на новой основе опыт начала IV главы: «Предмет, с которым оно... соотносится, есть... некоторое самосознание» и т.д. [Там же. С. 187]. Но тем самым «внутреннее», «душа» перестает восприниматься сознанием как «единичное», происходит выход в то измерение «опыта сознания», которое иллюстрируется социальным бытием («нравы» и т.д.), что проявляется уже во втором и третьем разделах V главы и в еще большей степени в VI главе. Социальное измерение «опыта сознания» оказывается следствием перехода от созерцающего «сознания» к деятельному «самосознанию», как и на границе III и IV глав: «Сознание более не хочет *непосредственно находить* себя, а хочет порождать себя своей деятельностью. Оно само есть себе цель своего действия, как в наблюдении для него важны были только вещи» [Там же. С. 185].

Гегель показывает, таким образом, как в движении «опыта сознания» переплетаются мотивы деятельности и социальности – и тот и другой возникают в качестве следствий снятия устойчивого существования «вещи». Этот результат может оцениваться с разных точек зрения, но в данном случае, обсуждая вопрос о предвосхищении Гегелем метода научной психологии, можно констатировать, что преодолевший границы метафизического понятия души «опыт сознания» движется к социальным измерениям деятельности, т.е.

к тому образу научной психологии, который будет сформирован отечественными психологами лишь в середине прошлого века¹.

В самом деле, специфика подхода к определению метода изучения психологических феноменов в культурно-исторической школе и состоит как раз в том, что они переносятся в социальный контекст и рассматриваются в качестве проявлений формирующейся под влиянием общественных условий индивидуальности. При этом чем более сложной является психическая функция, тем в большей степени именно социальные факторы влияют на ее формирование. Этот подход Л.С. Выготского и его последователей должен быть признан не менее «научным», чем метод эмпирической психологии, но исследование психических явлений в его границах уже не предполагает неизбежного возвращения психологии в ловушку «картезианской парадигмы». Однако именно Гегель – и прежде всего благодаря своей «Феноменологии» – должен быть признан инициатором такого подхода. Всецело негативный результат поисков способа познания индивидуальности, завершающихся упомянутым «переворачиванием», осознанием «непосредственной необходимости превратиться в противоположное», и открывает путь к «удвоению самосознания» и рассмотрению деятельности индивида в социальном окружении как способу раскрытия его «внутреннего мира», того, что «наблюдающий разум» стремился установить в качестве «души». Таким образом, то, что именуется сегодня в психологии деятельностным и культурно-историческим подходами, легко вычитывается в «психологических главах» «Феноменологии».

Правда, при этом следует различать содержательный и исторический аспекты сравнения поисков Гегеля и Л.С. Выготского в методологии психологического познания. По-видимому, доказательств знакомства Л.С. Выготского с «Феноменологией духа», тем более с крайне трудной для прочтения V главой, нет. Хотя упоминания об интересе к Гегелю у Выготского и встречаются, но, по мнению специалистов, этот интерес не всегда вел к знакомству с текстами самого философа. А вот содержательное единство подходов, как я стремился показать на материале прочтения «психологических глав», очевидно. Более того, знакомство с гегелевским описанием «опыта сознания» имеет и актуальный научный (а не только «исторический») интерес, поскольку вскрывает связь идей деятельности и социальности в той модели психологии, набросок которой два века назад впервые была сделан в «Феноменологии духа» и которая затем независимо от этого опыта была реализована Л.С. Выготским и его последователями.

Литература

1. Васильев В.В. Учение о душе в метафизике XVIII века. Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2000. 131 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. М. : Мысль, 1977. Т. 3 : Философия духа. 471 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии духа. Берлин 1827/1828 : в записи И.Э. Эрдмана и Ф. Вальтера. М. : Дело, 2014. 304 с.
4. Henrich D. (Hg.) Hegels philosophische Psychologie. Bonn : Bouvier, 1979. 234 S. (Hegel-Studien, Bh. 19).

¹ Выражаю искреннюю признательность исследователю творчества Л.С. Выготского Е.Ю. Завершневой, поддержавшей идею статьи и высказавшей ряд ценных замечаний как о характере знакомства Л.С. Выготского с философией Гегеля, так и об условиях соотнесения идей, высказанных в контексте классической философии, с установками культурно-исторической психологии.

5. Herrmann-Sinai S., Siglioli L. (ed.) Hegel's Philosophical Psychology. New York : Routledge, 2016. 306 p.
6. Winfield R.D. Hegel and Mind. Rethinking Philosophical Psychology. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2010. 170 p.
7. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа // Сочинения. М. : Изд-во соц.-экон. лит., 1959. Т. IV. 440 с.
8. Власов А.Д. Словарь по философии Гегеля (Феноменология духа). М. : МИФИ, 1997. 540 с.
9. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. М. : Мысль, 1975. Т. 2 : Философия природы. 695 с.

Vyacheslav I. Korotkikh, Yelets State Ivan Bunin University (Yelets, Russian Federation).

E-mail: shortv@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 44. pp. 122–130.

DOI: 10.17223/1998863X/44/12

THE PROBLEM OF METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF PSYCHOLOGY IN HEGEL'S PHENOMENOLOGY OF SPIRIT

Keywords: Hegel's philosophy; soul; method of scientific psychology; cultural-historical psychology.

The article deals with the problem of Hegel's place in the history of psychology based on the analysis of Chapter V of his *Phenomenology of Spirit*. The author tries to demonstrate that the identification of Hegel's psychological conception with the doctrine of the Subjective Spirit in the *Encyclopedia of the Philosophical Sciences* is wrong, because it is in the *Phenomenology of Spirit* that the philosopher reveals the prerequisites for the formation of the concept of soul in the "experience of consciousness" and carries out a thorough criticism of contemporary psychology. According to Hegel, the emergence of the concept of soul is associated with the attempt of "observing reason" to reveal the "inner" of the organic and to attribute to it a stable existence by analogy with objects of inanimate nature. However, actual experience disproves these attempts. The concept of soul arises in it, but immediately opens the inaccessibility of "soul" for "observing reason". Thus, Hegel reveals the lack of reality in the central concept of philosophical psychology. The author claims that this way Hegel makes a decisive step from the former metaphysical theory about soul to the creation of the new model of psychology. The result of the "experience of consciousness" is the awareness of the inevitability of abandoning the dead-end approaches of the former psychology and the transition to the analysis of an individual's activity in the social context as a productive method of cognition of mental phenomena. In the following sections of Chapter V, Hegel demonstrates that the nature of individuality is revealed in activity, and not in some supposedly inherent invariable attributes, and this activity can be carried out only in a social context. Hegel's demonstration of the impossibility of knowing individuality outside of its activities prompts to recognise his approach to those searches that were conducted in the Russian psychology of the 20th century (Lev Vygotsky and his followers). The author argues the idea that Hegel's views can be considered as the first attempt to develop a method of scientific psychology.

References

1. Vasilyev, V.V. (2000) *Ucheniye o dushe v metafizike XVIII veka* [The doctrine of the soul in the metaphysics of the eighteenth century]. Barnaul: Altai State University.
2. Hegel, G.V.F. (1977) *Entsiklopediya filosofskikh nauk* [Encyclopedia of Philosophy]. Vol. 3. Translated from German. Moscow: Mysl'.
3. Hegel, G.V.F. (2014) *Leksii po filosofii dukha. Berlin 1827/1828. V zapisi I.E. Erdmana i F. Val'tera* [Lectures on the philosophy of the spirit. Berlin 1827/1828. Recorded by I.E. Erdman and F. Walter]. Translated from German by K. Aleksandrov. Moscow: Delo, RANKhiGS.
4. Henrich, D. (ed.) (1979) *Hegels philosophische Psychologie* [Hegel's Philosophical Psychology]. Bonn: Bouvier.
5. Herrmann-Sinai, S. & Siglioli, L. (eds) (2016) *Hegel's Philosophical Psychology*. New York: Routledge.
6. Winfield, R.D. (2010) *Hegel and Mind. Rethinking Philosophical Psychology*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

7. Hegel, G.V.F. (1959) *Sochineniya* [Works]. Vol. 4. Translated from German. Moscow: Izd-vo sots.-ekon. lit.
8. Vlasov, A.D. (1997) *Slovar' po filosofii Gegelya (Fenomenologiya dukha)* [The Dictionary on Hegel's Philosophy of (Phenomenology of the Spirit)]. Moscow: MIFI.
9. Hegel, G.V.F. (1975) *Entsiklopediya filosofskikh nauk* [Encyclopedia of Philosophy]. Vol. 2. Translated from German. Moscow: Mysl'.